

Факт как иллюзия: почему позитивизм не может быть эмпирической теорией права

Зыков Д. В.

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

E-mail: zyk9@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья представляет собой эпистемологическую деконструкцию фундаментального понятия юридического позитивизма — категории «факта». Автор ставит под сомнение возможность построения эмпирической теории права в рамках юридического позитивизма, исходя из внутренней противоречивости его изначальных посылок.

Методология и материалы: исследование опирается на междисциплинарный синтез: кантовский трансцендентализм, постпозитивистскую философию науки, уровневую методологию, различие «грубых» и «институциональных» фактов, коммуникативную теорию права и правовой реализм.

Результаты исследования и их обсуждение: показано, что позитивизм оперирует двусмысленным понятием факта, отождествляя факт № 1 (эмпирический) — физическое существование текста закона (бумага, чернила, файл) и факт № 2 (трансцендентальный) — нормативная сила предписания, его обязательность, не данная в опыте, но приписываемая тексту через акт интерпретации и признания. Эта подмена маскирует логический прыжок через «гильотину Юма», делая вид, что должествование выводится из сущего, тогда как на деле оно встроено в посылку до начала силлогизма. С помощью уровневой методологии вскрывается механизм рождения «квазиэмпирического» объекта — текста, наделенного свойствами правового смысла. Истинный источник обязательности права обнаруживается на метатеоретическом уровне — в актах intersубъективного признания, укорененных в нормативности сознания.

Выводы: юридический позитивизм не может считаться эмпирической теорией права. Право не имеет чувственной данности. То, что позитивизм выдает за «факты» (тексты, решения, практики), есть лишь материальные следы интерпретации, а не сама нормативная реальность. Единственное, с чем имеет дело правоведение, — это акты интерпретации и признания, в которых нормативная сила приписывается тексту. Эти акты не наблюдаются, а совершаются. Они суть не отражение данности, а творение социальной реальности. Признание этого факта — не слабость, а условие честности юридической науки, которой предстоит отказаться от позитивистской иллюзии «твердой почвы» и принять свою ответственность за конструирование того, что она якобы лишь описывает.

Ключевые слова: юридический позитивизм, философия права, институциональные факты, трансцендентальный субъект, уровневая методология, правовая коммуникация, intersубъективность, нормативность сознания, интерпретация как творение.

Для цитирования: Зыков Д. В. Факт как иллюзия: почему позитивизм не может быть эмпирической теорией права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 2 (28). С. 52–68.

EDN: TVKJKD

Fact as Illusion: Why Positivism Cannot Be an Empirical Theory of Law

Dmitrii V. Zykov

Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

E-mail: zyk9@yandex.ru

Abstract

Introduction: The article offers an epistemological deconstruction of the fundamental concept of legal positivism — the category of “fact.” The author calls into question the possibility of constructing an empirical theory of law within the framework of legal positivism, proceeding from the internal contradictions of its initial premises.

Methodology and Materials: The study relies on an interdisciplinary synthesis: Kantian transcendentalism, post-positivist philosophy of science, level methodology, the distinction between “brute” and “institutional” facts, communicative theory of law, and legal realism. Our method is the diagnosis of the gap. We do not merely apply ready-made tools; we expose the fundamental gap between the Is (text, fact, behavior) and the Ought (norm, obligation, justice) at the very heart of legal cognition.

Results and Discussion: It is demonstrated that positivism operates with an ambiguous concept of fact, tacitly identifying: fact N 1 (empirical): the physical existence of the legal text (paper, ink, file) and fact N 2 (transcendental): the normative force of the prescription, its bindingness, not given in experience but attributed to the text through the act of interpretation and recognition. This substitution masks the logical leap across “Hume’s guillotine”, pretending that “ought” is derived from “is”, whereas in reality, it is embedded in the premise before the syllogism begins. The level methodology uncovers the mechanism behind the birth of a “quasi-empirical” object — a text endowed with the properties of legal meaning. The true source of law’s binding force is discovered at the meta-theoretical level — in acts of intersubjective recognition rooted in the normativity of consciousness.

Conclusions: Legal positivism cannot be considered an empirical theory of law. Law has no sensory givenness — there is no “star called Law” to observe. What positivism presents as “facts” (texts, decisions, practices) are merely material traces of interpretation, not the normative reality itself. The only thing jurisprudence deals with is acts of interpretation and recognition, through which normative force is attributed to a text. These acts are not observed; they are performed. They are not a reflection of givenness but a creation of social reality. Acknowledging this fact is not a weakness but a condition of honesty for legal science, which must abandon the positivist illusion of “solid ground” and accept its responsibility for constructing what it claims merely to describe.

Keywords: legal positivism, philosophy of law, institutional facts, transcendental subject, level methodology, legal communication, intersubjectivity normativity of consciousness; interpretation as creation.

For citation: Zykov, D. V. Fact as Illusion: Why Positivism Cannot Be an Empirical Theory of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (28). Pp. 52–68. (In Russ.)

Введение

Правовая реальность демонстрирует свою диалектическую природу через бинарные оппозиции: убийство — необходимая оборона, сделка — недействительность, признание умершим — «воскрешение». Эти примеры показывают, что правовые понятия имманентно содержат собственное отрицание, а правовая реальность допускает то, что невозможно в мире «сущего».

Классический юридический позитивизм предлагает одно решение: право есть самодостаточная система принудительных предписаний, чья действительность не зависит от морали или социальной эффективности. Столкнувшись с «гильотиной Юма» — логической пропастью между сущим и должным, неопозитивизм проводит различие между нормами-веляниями и нормативными предложениями (суждениями о нормах), сводя проблему нормативности к вопросам эффективности и принудительности. Однако социальные истоки права указывают, что оно рождается не из абстрактных велений, а из ткани социального взаимодействия, из процесса согласования ожиданий и действий индивидов.

Ключевой вопрос о статусе правоправедения, сформулированный Г. Кельзеном, сохраняет актуальность: является ли наука о праве эмпирической или нормативной? Юридический позитивизм, следуя методологическому монизму, отстаивает идентичность методов естественных наук и юриспруденции. Однако это сталкивается с «гильотиной Юма». Следовательно, правоправедение представляет собой сложный синтез: логики норм (разделом деонтической логики)¹, философии права, искусства интерпретации догмы, юридической техники как «инженерного конструирования». На смену монизму приходит бинарная система, рассматривающая нормы через дихотомию «эмпирическое — теоретическое», что отражает «противопоставление внешней предсказывающей точки зрения наблюдателя и внутренней точки зрения участника, принимающего и использующего правила в качестве руководства...»² Эта двойственность подтверждается невозможностью установить строгие правила соответствия между теоретическим языком права и языком наблюдения, поскольку их связь обеспечивается не логической выводимостью, а менее строгими процедурами — отождествлением (идентификацией) и интерпретацией (репрезентацией)³.

Наша цель — показать, что позитивизм не просто ошибается в частностях, но системно противоречит в своих исходных посылах. Его проект описания права «как сущего» терпит крах в момент применения, когда требуется совершить прыжок в «должное»⁴.

Методология и материалы

Фундаментальный парадокс правопознания вскрывается на стыке двух традиций: кантианского трансцендентализма (в рецепции Г. Кельзена) и постклассической уровневой методологии науки. Кельзен показал, что правоправедение имеет конститутивный характер: оно не отражает готовый предмет, а создает его, превращая хаос социальных восприятий в правопорядок. В основе этой операции лежит трансцендентально-логическая предпосылка — «основная норма», не выводимая из опыта, но являющаяся условием его возможности.

Уровневая методология, различающая чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни знания, позволяет локализовать источник «иллюзии факта». На чувственном уровне дан лишь физический субстрат (бумага, чернила), на эмпирическом — систематизация текстов законов и решений, на теоретическом — идеальные объекты («субъект права», «норма»), и только на метатеоретическом уровне обнаруживается акт интересубъективного признания, не выводимый из эмпирии, но придающий ему нормативную силу.

Исследование опирается также на различие «грубых» и «институциональных» фактов, демонстрирующее, что правовая реальность всегда нагружена нормативностью и не может быть описана в фи-

¹ Парадокс, стимулировавший развитие деонтической логики (дилемма Йоргенсена), заключается в следующем: традиционная логика основана на истинности, а нормы-предписания истинностных значений не имеют. Тем не менее нормативные рассуждения подчиняются логическим законам. Это привело к созданию двух независимых систем: логики норм и логики нормативных высказываний. См.: Булыгин Е. В. Логика и право // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 15–16.

² Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 253.

³ Схожая проблема возникает в теории познания: научные теории не выводятся из эмпирии и сами не выводят ее, а связываются с ней через внелогические процедуры — идентификацию, интерпретацию и моделирование. Оба случая демонстрируют принципиальный разрыв между разными типами дискурсов, преодолеваемый не логикой, а иными интеллектуальными операциями. См.: Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 63, 67.

⁴ Зыков Д. В. Центральная апория философии позитивного права: “Punctum Archimedis” // Правовая парадигма. 2025. № 4. С. 20–26.

зикалистских терминах. Коммуникативная теория права, конструктивизм в юриспруденции и правовой реализм создали пространство для понимания права как процесса, а не как вещи.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Логические противоречия в основе правовых конструкций. Правовая реальность по своей природе пронизана логическими противоречиями, которые не являются аномалией, а отражают ее имманентную сложность. Это становится очевидным при анализе базовых правовых конструкций. Понятие «убийства» одновременно утверждает, что любое умышленное лишение жизни есть преступление, и отрицает это, предусматривая правомерные случаи (необходимая оборона, исполнение приказа). Оспоримая сделка юридически действительна до момента ее оспаривания, демонстрируя внутреннюю дуальность правового состояния. Юридические фикции (признание лица умершим) и процессуальные коллизии создают парадоксы, немыслимые в мире физических фактов. Эти примеры показывают, что правовая реальность существует по собственным логическим законам, которые часто вступают в конфликт с эмпирической реальностью, что служит доказательством онтологической неустойчивости правовой реальности, которая не сводится к миру простых фактов.

Если попытаться дать праву общее определение, мы сталкиваемся с парадоксом. Если не всякий закон является правом по сути, то и всё право не может быть сведено к закону. Это нарушает формальный закон тождества, но указывает на более глубокую природу явления. Юридическая логика — диалектична. Сущность права коренится не в текстах, а в социальной жизни, в упорядочивании взаимодействий и согласовании ожиданий людей. Длительное взаимодействие приводит к кристаллизации успешных моделей — оценке в виде норм. Право возникает как инструмент измерения социальной деятельности, а принудительность превращает групповую оценку в действительную норму. В коммуникации формируется intersубъективное поле ожиданий, где представления о долге трансформируются в признание взаимных прав. Первичность права принадлежит не законодателю, а сфере intersубъективности. Его подлинный генезис — это процесс имманентного формирования норм через встречную оценку индивидами своих действий и притязаний, которая, будучи направлена на Другого, обретает трансцендентный статус общеобязательного правила. Право рождается в пространстве между сознаниями, в intersубъективном поле взаимных ожиданий и их адаптации на основе взаимного коммуникативного признания⁵. Норма — не приказ, а кристаллизовавшийся успех коммуникации⁶.

2. К онтологии правового познания. Классическое для позитивизма разграничение (Кельзен: «правоведение описывает право, но не предписывает») остается предметом фундаментального спора⁷. Феноменологическая специфика правоведения становится очевидной при сравнении с эмпирическими науками, например медициной. Если медицинская наука описывает биофизическое тело и на основе этого предписывает протоколы лечения, то в юриспруденции описания основаны на предписании. Объективным коррелятом здесь выступают не «грубые» факты (где сенсорный объект есть), а институциональные факты (где сенсорного объекта нет), зависимые от множества человеческих соглашений. Эта особенность определяет структуру юридического знания. Его эмпирическую базу составляют не явления объективной действительности, а правовые суждения⁸.

Общая теория права может рассматриваться как идеально-конструктивная теория, онтологию которой образуют идеальные ненаблюдаемые объекты, обладающая собственными критериями истинности⁹. Это ставит под сомнение эмпирический постулат о наблюдении как конечном источнике знания. В этом контексте обнажается ключевое противоречие эксклюзивного позитивизма: право зиждется на

⁵ Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov

⁶ Овстимская И. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3. С. 55–70. EDN: HGKSSX

⁷ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: Алет-Пресс, 2015. С. 97.

⁸ Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. 248 с.

⁹ Лебедев С. А., Хивев И. Р. Виды научных теорий и критерии их истинности // Журнал философских исследований. 2024. Т. 10. № 2. С. 25.

принципе вменения, его действительность невыводима из фактов, но при этом признается тезис о социальных источниках права¹⁰. Это противоречие само себя обнаруживает в проблеме обязательности: если право — это лишь человеческое творение, основанное на социальных фактах, то на чем основана обязательность самих норм? Почему им должно подчиняться? Этот вопрос, остающийся без удовлетворительного ответа в рамках юридического мировоззрения, является точным аналогом проблемы обоснования божественных заповедей в религиозном мировоззрении. Из суждений о бытии заповедей нельзя логически вывести их обязательность¹¹.

3. Деконструкция понятия «факт». Позитивистский проект берет за отправную точку суждения о фактах, хотя правовые нормы — веления. Понятием факта охватываются: 1) фактическая оболочка права (наблюдаемый текст закона) и 2) смысловое содержание системы норм (ненаблюдаемое в опыте). Норма становится «фактом бытия», но как может быть воспринимаемым фактом нечто, не данное в опыте?

Норма права содержит описательную часть, предлагаемую для восприятия как суждение о фактах. Но собственно нормой она становится благодаря предписывающей части, которая, даже будучи облеченной в форму суждений, выражает не бытие, а долженствование.

Юридический позитивизм стремится описывать право как социальный факт, что порождает сложную эпистемологическую проблему соотношения фактов «грубых» и «институциональных». Если «грубые» факты (например, «вершина Эвереста покрыта снегом») существуют независимо от человеческих институтов, то «институциональные» факты («онтологически хрупкие» факты, например, «кусочек бумаги — пять долларов») требуют для своего существования системы соглашений¹². В дискурсе юридического позитивизма понятие факта оказывается двусмысленным, прикрывая фундаментальный разрыв.

Факт № 1 (эмпирический, «грубый», сенсорный объект есть): существование физического носителя — текста. Верифицируем, наблюдаем. Констатация: «Данный набор типографских знаков присутствует в Официальном сборнике».

Факт № 2 (трансцендентальный, «смысловой», сенсорного объекта нет): существование нормы как общеобязательного предписания, ее юридическая сила. Не дан в опыте; интерпретируется и приписывается тексту правовым сообществом. Констатация: «Этим знакам следует подчиняться».

Подмена заключается в молчаливом отождествлении факта № 1 с фактом № 2: констатировав существование текста, позитивист делает вид, что констатировал и его нормативную силу. Но это логический прыжок через пропасть, маскируемый под аналитическое суждение. Существование текста — факт лингвистический или библиотечный. Его нормативная сила — факт социологический и философский. Фундаментальная проблема многих теорий — смешение вопроса об источниках знания с вопросом об его истинности. Истинность утверждения устанавливается не через апелляцию к его источнику, а посредством критической проверки самих утверждаемых фактов¹³.

Право как историческая реальность возникает не из объективной данности, а из интерпретации события субъектом, локализованным в пространстве и времени. Это социальная реальность, производимая согласованными усилиями людей, мотивированных представлениями о должном¹⁴. Такой взгляд перекликается с общей философией науки: «факт — это такой результат наблюдения, которого... без теории просто нет»¹⁵. Позитивист изучает следствия, игнорируя причину: сам акт идентификации текста как «закона» предполагает предварительное принятие нормативных правил признания.

¹⁰ Антонов М. В. Несколько вводных слов о «Действенности права Е. В. Булыгина» // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 8. Также см.: Алова Д. Г., Лушникова В. А. Право и мораль: диалектика отношений в позитивистской концепции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 58–68.

¹¹ Максимов Л. В. Гильотина Юма: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 137.

¹² Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство (XXIII Всемирный конгресс международной ассоциации философии права и социальной философии) // Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 127; Searle J. R. The Construction of Social Reality. Free Press, 1995. 256 p.

¹³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. С. 43, 49.

¹⁴ Пермяков Ю. Е. Эмпирические основания юридической науки // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 47–48.

¹⁵ Розов М. А. Инварианты эмпирического и теоретического знания // Философия науки. 2010. Т. 15. № 1. С. 115.

Таким образом, правовая реальность конструируется. Этот процесс неизбежно связан с властью («символическая власть производит конструирование социальных классов») и «первичным производом» учреждающего акта, который затем, через «забывание происхождения», кристаллизуется в институт. «Наконец, ключевым элементом этой конструкции является правовая идентичность — двусторонний процесс, в котором власть формирует статусы, а индивид интериоризирует их. Субъект права предстает не как абстрактная конструкция, а как „взаимоналожение“ человеческого субстрата на правовой статус, что раскрывает внутреннюю диалогичность правового бытия»¹⁶.

Юридический позитивизм пытается свести должное к сущему. «Концептуализм в праве — это, по сути, юридический позитивизм, исходящий из того, что в сложном, многослойном правовом пространстве существует только одна, а не несколько структур — и это позитивное право, которое базируется на юридических символах — понятиях, конструкциях, фикциях. Право для позитивистов — это прежде всего правовые понятия, и самые важные из них — объект прав (вещь), субъект прав, правоотношения, вина, воля, источник права, ответственность и т. д. Все они априорны по своей природе, первичны, это не результат, а инструмент науки»¹⁷.

Однако согласие с этим — гносеологическая ловушка, основанная на фундаментальной ошибке смешения онтологии и гносеологии. Использование понятийного аппарата («воля», «субъект», «источник права») не означает принятия позитивистской онтологии, выдающей эти инструменты за первичную реальность. Позитивизм описывает механику, но молчаливо заимствует легитимность из морали, которую сам же отрицает. «И поэтому естественного права не существует, так же как не существует и естественной нравственности»¹⁸. Однако эмпирически данное «раздвоение» правосознания — восприятие конкретных норм и права в целом как символа справедливости — представляется неустранимым, что порождает идею о параллельном существовании позитивного и естественного права. «Всё сказанное позволяет рассматривать *право* в качестве особого *социального символа метаюридического плана*»¹⁹. Угроза санкции объясняет, почему люди вынуждены подчиняться, но не почему они должны это делать. Эта проблема, в свою очередь, связана с вопросом об истинности правовых норм и их отделимости от морали, что является предметом ожесточенных дискуссий в литературе²⁰.

Как замечается в компетентной литературе, знаменитый тезис Кельзена («абсолютно любое содержание может быть правом») следует понимать не как аморализм, а как сомнение в существовании абсолютных, общезначимых ценностей²¹. Таким образом, позитивизм настаивает на логическом отделении идентификации права от его моральной оценки, не отрицая их фактической взаимосвязи²². Следовательно, утверждение о возможности любого содержания стать правом не тождественно тезису о его безусловной обязательности. Критика, как показывает Е. В. Булыгин, приписывающая позитивизму последнее, основана на недоразумении, и в этой части с ним невозможно не согласиться²³.

¹⁶ Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 77.

¹⁷ Гаджиев Г. А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 135.

¹⁸ Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 459.

¹⁹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: вопросы теории и методологии. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2009. С. 289.

²⁰ Сравните, например, полярные позиции по этому вопросу: Баранов В. М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 397 с. И Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2001. С. 247–249. В поддержку позиции В. М. Баранова заметим, что без такой истинности было бы невозможно отличить одну правовую систему от другой (к примеру, феодальную от буржуазной). Возражая В. М. Сырых, надо сказать, что «...практика как экспериментальная деятельность является критерием истинности только инженерных и технических решений; материальная практика не может быть непосредственным критерием истинности научных законов, научных теорий и математического знания». Лебедев С. А. Проблема демаркации научного знания и ее эволюция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 88. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-3-79-89>

²¹ Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 174.

²² Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом... С. 461.

²³ Булыгин Е. В. Что такое правовой позитивизм? // Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 239–240.

Позитивизм претендует на нейтральность и свободу от ценностей. С этой точки зрения «задача правоведения состоит в описании позитивного права, но ему не подлежит... оценивать право как справедливое или несправедливое: это дело политики и морали. Позитивное право — дело рук человека, и как всё, что создается человеком, оно может быть хорошим или плохим, справедливым или несправедливым. Несмотря на то что право основано на оценочных суждениях, нет никакого препятствия для описания оценочных суждений без их оценки. Разумеется, далеко не всё, чем занимаются юристы и судьи, — наука, но, поскольку они описывают право и не делают оценочных суждений, их деятельность является научной»²⁴.

Однако этот подход сталкивается с фундаментальной трудностью: значение нормы часто не существует до ее интерпретации и применения. «Это другой сложнейший философско-правовой вопрос, на который многие исследователи (в частности, правовые реалисты) отвечают отрицательно»²⁵. Нормы должностования возможно идентифицировать лишь в форме суждений о фактах, то есть как «объективно существующие» текстуальные данности, что, по сути, приравнивается к их принудительному присутствию в сознании как «грубого» факта, к которому в конечной точке вменения применяется каучуковая формула небрежной вины — «мог и должен был предвидеть».

Позитивистский идеал нейтральности на поверку оказывается самообманом. Собственный понятийный аппарат юридического позитивизма является скрыто-аксиологическим. Примеры понятий: «действующая норма», «компетентный орган», «юридическая сила». Само выделение правовых явлений из всего массива социальных данных требует неявного принятия неких критериев отбора, которые всегда являются оценочными²⁶.

Истинность теории (системы норм) не тождественна эффективности ее применения на практике. Современная философия науки предлагает иной взгляд, позволяющий преодолеть эту антиномию²⁷. Систему норм права можно рассматривать как трансцендентальную теорию, обладающую внутренней (самореферентной) истинностью²⁸. Онтологию такой теории составляют идеальные объекты, а ее истинность обеспечивается не эмпирической проверкой, а логической непротиворечивостью, интуитивной очевидностью ее исходных принципов и их эффективной применимостью к социальной реальности. В этом контексте правоприменительная практика выступает не критерием истинности нормативной системы, а индикатором ее эффективности. Таким образом, нормы права, будучи компонентами теоретической конструкции, обладают самореферентной истинностью, которая и обуславливает их общеобязательность и логическую действенность в конкретно-историческом контексте, не нуждаясь в сведении к внеправовым ценностным суждениям.

4. Проблема обязательности. Вопрос об источнике обязательности — классический метафеномен. Позитивизм пытается трактовать его как социальный факт, но эмпирическими основаниями юридиче-

²⁴ Булыгин Е. В. Мое видение рациональности в праве // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 17.

²⁵ Антонов М. В., Оглезнев В. В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 4. С. 55. DOI: <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev>

²⁶ Тезис о «научной нейтральности» описания уже давно сдан в архив философии как наивно-реалистический пережиток. Однако юридический позитивизм, законсервировавшись в своем догматическом сне, продолжает воспроизводить риторiku, которую естественные науки оставили позади еще во времена логического эмпиризма. Наиболее ярко эта методологическая наивность выражена, например, у А. Росса, который всеерьез уподоблял описание права описанию «климата и топографии», полагая, что нормы должностования можно «констатировать» с той же степенью объективности, что и выпадение осадков. Эта аналогия, при всей ее кажущейся убедительности, является классической категориальной ошибкой: климат существует независимо от наблюдателя, тогда как право существует *только* через акты интерпретации, признания и вменения, совершаемые теми самыми наблюдателями. Описывать «должное» как «сущее», игнорируя при этом оценочную природу самого акта описания, — значит не заниматься наукой, а выдавать собственную идеологическую позицию за объективную реальность. То, что в философии науки было опровергнуто почти столетие назад, в юриспруденции продолжает выдаваться за вершину методологической строгости, обрекая дисциплину на бесконечное воспроизводство одних и тех же тупиков. См.: Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом... С. 460. Ср.: Антонов М. В. Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. EDN: UILKAC

²⁷ Лебедев С. А. Конвенционализм и консенсуализм как эпистемологическая легитимация научного плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 119–129. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-1-119-129>

²⁸ Краевский А. А., Тимошина Е. В. Проблема самореференции в праве: к истории дискуссии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 35–43.

ской науки выступают не явления действительности, а правовые суждения²⁹. Сам вопрос об обязательности принадлежит метатеоретическому уровню, задающему возможность правового опыта³⁰. Булыгин видит разрешение в действенности (эффективности), апеллируя к «убежденности» населения³¹. Но такой подход требует уточнения онтологического статуса права. Как точно заметил дореволюционный юрист, положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения³². Парадокс в том, что он описывал естественное право.

В итоге позитивизм, претендующий на научную строгость, оказывается формой догматической веры. Этот понятийный аппарат сам по себе является продуктом исторического развития. «Юридический концепт действительности пришел на смену религиозной системе регуляции... Место религиозной догмы... заняли права человека, а место церкви заняло государство»³³. Методологический императив позитивизма — «описание оценочных суждений без их оценки» (Е. В. Булыгин) — на практике сводится к операции «перенесения» предписаний из сферы должного в сферу сущего; закон применяется таким, каким его замыслил законодатель, независимо от нашего отношения к его содержанию, подобно инертной вещи, перемещаемой из точки А в точку Б. Следствием этого становится подчинение поведения субъектов формальным требованиям нормы так, как если бы они подчинялись «грубым» фактам. Однако этот процесс возможен лишь при условии убежденности самих правоприменителей (юристов, судей) в обязательности данного правового порядка. Именно эта доктринальная вера, граничащая с догматическим принятием, позволяет воспроизводить оценочные суждения, не производя их оценки, — что само по себе является операцией, выходящей за рамки чистого эмпиризма.

Диалогический императив и юридический конструктивизм в юриспруденции позволяют преодолеть наивно-реалистическое представление о праве как о «данности» и увидеть его как непрерывный процесс социального конструирования реальности, где правовая идентичность субъекта формируется в напряженном поле борьбы интерпретаций³⁴.

Исследования правового реализма обнажают механизмы властного вменения, скрытые за фасадом формально-догматических конструкций³⁵, а последовательная проблематизация эпистемологических оснований правопознания позволяет увидеть границы номинализма в юриспруденции³⁶.

В рамках коммуникативного подхода Л. Петражицкий трактует поведение индивида как текст, обладающий интересубъективным смыслом, тем самым выводя нормативность в качестве коммуникативного условия бытия права³⁷. Позитивистский взгляд предлагает принципиально иную онтологическую перспективу по сравнению с коммуникативным подходом. В такой «перспективе» акт взаимного признания, составляющий сердцевину коммуникации, не становится предметом систематической рефлексии. Функционирование правовой системы здесь объясняется через «принцип вменения», где феномен признания не отрицается, но его первичность «скрадывается» концептуалистским инструментарием³⁸.

²⁹ Пермяков Ю. Е. Эмпирические основания юридической науки... С. 43.

³⁰ Лебедев С. А., Ребрищев В. Д. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 57–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-1-57-66>

³¹ Булыгин Е. В. Мое видение рациональности в праве... С. 22.

³² Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 177.

³³ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, Инфра-М, 2013. С. 29.

³⁴ Честнов И. Л. Постклассическая теория права / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Алф-Пресс, 2012. 649 с.

³⁵ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.; Тонков Е. Н. Прогнозирование изменений правовой ситуации как основная функция юридического мышления // В книге: Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 92–145.

³⁶ Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 48–76. При работе над данной статьей автор счел необходимым критически переосмыслить собственную полемику с Е. В. Тимошиной в более ранней работе (Эволюция феномена права..., 2023). Интерпретируя ее тезис о конструировании предмета познания, автор пришел к выводу, что право объявляется ею «лишенным эмпирических зачатков». Эта интерпретация ошибочна. Позиция Е. В. Тимошиной — эпистемологический конструктивизм, касающийся статуса знания о праве, а не онтологический конструктивизм, отрицающий эмпирические основания самого права. Автор приносит извинения за эту интерпретативную неточность и высоко ценит вклад Е. В. Тимошиной в разработку эпистемологических проблем правоведа. Ирония судьбы: критика позитивизма за смешение уровней, автор сам допустил ту же ошибку, приняв теоретическую модель за онтологическое утверждение.

³⁷ Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144.

³⁸ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) ... С. 188.

Позитивистский проект заходит в тупик, потому что, пытаясь описать право как эмпирический объект, он либо тайком заимствует нормативность из других сфер, либо останавливает регресс обоснования догматическим актом веры, тем самым подрывая свои же собственные научные претензии. Признание Г. Кельзеном гипотетической природы основной нормы стало поворотным моментом в развитии правового позитивизма. Ученый был вынужден констатировать, что основополагающий постулат его системы «не является актом воли, а представляет собой постулируемую норму», которую впоследствии охарактеризовал как «всего лишь вымышленную норму, быть значением лишь фиктивной, а не реальной воли» и ее полезности как «когнитивного приема», позволяющего отличать правовые нормы от иных предписаний внутри нормативной системы как эмпирическом объекте³⁹.

5. Гносеологические корни противоречия. Претензии позитивизма были относительно приемлемы в рамках стандартной концепции науки, признававшей лишь два уровня знания — эмпирический и теоретический. Современная постнеклассическая парадигма предлагает более детализированную модель, различая четыре уровня научного знания: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический, каждый из которых структурируется по условиям и предмету познания⁴⁰. Именно отождествление чувственного уровня с эмпирическим, характерное для логического эмпиризма, позволило конструировать «объективно существующие» лингвистические сущности⁴¹. Целью метатеоретического уровня является установление «предискурсивных принципов», определяющих как правила познавательного процесса, так и смысловую составляющую самого явления⁴². Именно на этом уровне становится возможным рефлексивное осмысление тех оснований, которые позволяют правоведению функционировать в сложном пространстве между чувственным восприятием текста, эмпирическим анализом юридических конструкций и теоретическим моделированием правовой реальности. Путаница в правопонимании возникает из-за смешения этих уровней, когда теоретический объект подменяется эмпирическим. Ключ к преодолению этого тупика — признание самостоятельного статуса каждого уровня познания. Чувственное познание, онтологически основанное на объектах материального мира, является недискурсивным и предшествует эмпирическому знанию, выступая «посредствующим звеном» между объективной и эмпирической реальностью⁴³. Эмпирическое знание, в свою очередь, представляет собой уже идеальную абстрактную модель чувственных данных. Таким образом, оба уровня несводимы друг к другу: их связь обеспечивается не логическим выводом, а операцией идентификации и отождествления, носящей творческий характер. Связь же между эмпирическим и теоретическим уровнями осуществляется через интерпретацию и репрезентацию.

Право как теоретический объект ошибочно идентифицируется с эмпирическим объектом (текстом закона). Право как теоретический объект: это идеальный, абстрактный, нормативный порядок. Оно не сводится к сумме своих проявлений. Его нельзя «пощупать». Оно существует в поле значений, смыслов, долженствования и социальных ожиданий. Эмпирический объект (текст закона): это физический носитель — бумага, чернила, файл на компьютере; или поведенческий акт — произнесенные слова, жесты. Ошибочная идентификация: наивно-реалистический подход прямо отождествляет право с его материальным носителем. Возникает убеждение: «Право — это текст закона».

Дискуссия между реализмом и фикционализмом в современном правоведении остается напряженной, однако ее разрешение может лежать в иной плоскости. С одной стороны, подчеркивается, что юридические понятия, такие как «воля законодателя», являются фикциями, конструирующими особое концептуальное пространство, которое направляет познавательный процесс судей иначе, чем это де-

³⁹ Kelsen H. Diskussionsbeitrag // Das Naturrecht in der politischen Theorie. Wien, 1963. P. 119; Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien, 1979. P. 256. Цит. по: Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена... С. 183.

⁴⁰ Лебедев С. А. Уровневая структура научного знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2021. № 2 (56). С. 7–20. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.007>

⁴¹ Лебедев С. А., Минаков А. А. Чувственное познание в науке // Гуманитарный вестник. 2023. № 4. С. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2023-4-857>

⁴² Шаханов В. В. Общая характеристика метатеории права // Метатеория и методология права и правопорядка : монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. С. 18.

⁴³ Лебедев С. А., Минаков А. А. Чувственное познание в науке... С. 3–4.

лает социология⁴⁴. С другой — «узкореалистический» подход критикует такую позицию как догматическую, затушевывающую реальные властные отношения⁴⁵. Классическая критика указывает, что отрыв правовой науки от социальной действительности и ее замкнутость на логико-догматическом развитии ведет к методологической ограниченности и идеологической ангажированности⁴⁶. Безусловно, фикции (юридические конструкции, «воля», «юридическое лицо») являются неотъемлемыми инструментами юридической техники. Однако фикционализм совершает роковую ошибку, принимая инструмент за всю реальность. Право — это не условность, а реальный социальный институт, обладающий материальной силой: оно перераспределяет ресурсы, карает и поощряет, ломает судьбы. Сводить его к фикции — значит отказываться от изучения его как силы, формирующей саму ткань социального бытия. Необходим поиск подлинной онтологии права.

За процедурой подмены скрывается механизм юридической фетишизации. Наблюдая устойчивую корреляцию между правовым смыслом и его материальным носителем (текстом закона), позитивизм совершает подмену: из корреляции «текст — смысл» делается неверный вывод о тождестве «текст = смысл». Материальному объекту (бумаге, файлу) приписываются свойства идеального объекта (нормативность, обязательность). Мы начинаем говорить, что «закон обязывает», хотя, строго говоря, обязывает не закон-как-текст, а правовая норма, которая лишь выражена в этом тексте и признана в обществе. В результате материальный артефакт начинает восприниматься как самодостаточный источник права. Эта операция раскрывает онтологическую проблему правопонимания. Как справедливо отмечается, «с позитивистской точки зрения правовые нормы и делаемые на их основе суждения не предполагают какой-то реальности (объекта) в рамках права, которая позволила бы оценивать эти суждения на предмет истинности и ложности...»⁴⁷

Таким образом, работа правоведа осуществляется не с эмпирическими фактами, а с юридическими конструкциями — идеальными объектами, в которых эмпирическое и теоретическое находятся в отношении взаимной обусловленности, определяемой целевой установкой исследователя⁴⁸. Как подчеркивается в философии науки, в основе соотношения эмпирического и теоретического лежат рефлексивные преобразования, в ходе которых объект исследования и средство познания могут меняться местами⁴⁹. Следовательно, исходная «юридическая запутанность» коренится в логической подмене, когда теоретическое понятие (право) отождествляется с псевдоэмпирическим объектом (текстом закона). Утверждение «право есть закон» и обратное «закон есть право» сосуществуют, образуя неразрешимое логическое противоречие, которое тем не менее составляет саму возможность существования классической юриспруденции, основанной на позитивистской парадигме.

В результате этой подмены рождается химера — «квазиэмпирический объект». Это воображаемый объект, который кажется данным нам в опыте (ведь мы можем «увидеть закон»), но при этом наделен свойствами, которые не могут быть выведены из его эмпирической природы. В чем заключается логический разрыв? Один и тот же физический текст (например, Уголовный кодекс СССР 1960 года) в 1980 году был действующим правом (формой права), а сегодня — историческим документом. Его материальная форма не изменилась, но его правовой статус (восприятие его содержания) — изменился радикально. Это доказывает, что право — не в тексте, а в социальном и нормативном контексте, в котором этот текст погружен. Таким образом, пытаясь изучать право как эмпирический объект (текст), мы сталкиваемся с его «непрозрачностью»: он постоянно отсылает нас к чему-то за своими пределами — к теоретическому конструированию, к социальной практике, к актам признания, к санкциям.

В основании юридического позитивизма лежит не просто научный метод, а скрытая властная претензия — то, что можно назвать монологической эпистемологией. Ее логика предельно проста и потому

⁴⁴ Гаджиев Г. А. Официальное толкование конституции... С. 141.

⁴⁵ Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции... С. 80.

⁴⁶ Бабаев В. К. Логико-юридическое развитие правовых норм // Правоведение. 1976. № 2. С. 12.

⁴⁷ Антонов М. В., Оглезнев В. В. Юридический позитивизм и истина в праве... С. 55.

⁴⁸ Тарасов Н. Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3 (27). С. 28.

⁴⁹ Розов М. А. Инварианты эмпирического и теоретического знания... С. 123.

неуязвима для критики изнутри: некий привилегированный субъект (государство, церковь, корпорация, вождь) объявляет себя единственным источником истины о праве. Все остальные участники правовой коммуникации низводятся до положения пассивных приемников сигнала. Их задача — не интерпретировать, не оценивать, не сомневаться, а лишь правильно принимать транслируемые команды. «Всех под одну гребенку — монопольные представления (фантазмы) привилегированного субъекта истины», — так эту установку можно выразить на языке, свободном от академических эвфемизмов. Проблема в том, что такая коммуникативная модель принципиально одностороння. Она не предполагает обратной связи. Если сигнал не доходит или искажается — проблема всегда в приемнике, но никогда в источнике⁵⁰. Мертвые нормы («противоправное право») возникают как сбои этой трансляции: источник вещает в пустоту, приемники молчат, а транслятор методологии продолжает утверждать, что система работает, потому что формально сигнал подан. Позитивизм оказывается бессилем перед феноменом «мертвого права» именно потому, что его инструментарий позволяет диагностировать лишь исправность передатчика, но не наличие слушателей.

6. Как возможен вывод о должном из сущего? Стандартная позитивистская схема правоприменения — это силлогизм, где большая посылка якобы является констатацией факта. Большая посылка (факт № 2): «В законе есть норма N, предписывающая P». (Это якобы «сущее»). Малая посылка (факт № 1): «В реальности имеет место случай S». (Это сущее). Вывод: «Следовательно, в отношении S должно быть осуществлено P». Наш анализ обнажает, что большая посылка — волк в овечьей шкуре. Формально она выглядит как констатация, но по смыслу это уже скрытое долженствование, ибо имплицитно содержит тезис: «...и этому тексту *следует* подчиняться». Таким образом, долженствование не выводится из сущего, а встроено в саму посылку, что делает силлогизм логически порочным.

Правотворческая и правоприменительная деятельность зачастую демонстрирует логическую структуру, сходную с ошибкой *petitio principii* (предвосхищения основания), когда в обоснование решения включается положение, истинность которого сама требует доказательства. Яркие примеры этого можно найти в различных сферах. Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, суд нередко исходит из предполагаемой виновности обвиняемого, которая еще должна быть доказана в ходе судебного разбирательства. Решение о создании или упразднении государственного органа (например, миграционной службы) часто принимается на основе априорного тезиса о его необходимости или неэффективности. Такие масштабные решения, как повышение пенсионного возраста или запрет курения в общественных местах, основываются на гипотезах (о неплатежеспособности пенсионной системы или о повышении общего благосостояния), которые принимаются как истинные до их фактического подтверждения⁵¹.

Вывод о должном из сущего логически невозможен. Он осуществляется внелогическими путями.

Путь власти (внешний). Через угрозу санкции. Логика заменяется причинно-следственной связью: «Не выполнишь P — последует наказание». Это не вывод, а вменение-принуждение.

Путь легитимации (внутренний). Через нормативность сознания. Правоприменитель совершает акт веры или ценностного признания, принимая основную норму или правило признания. Этот акт и есть тот самый прыжок через пропасть между «есть» и «должен», который позитивизм пытается скрыть.

Проблема соотношения действительности, действенности и легитимности права упирается в фундаментальные онтологические вопросы: почему правило обязательно и в чем источник его обязывающей силы? Дискуссия между юснатурализмом и позитивизмом зашла в тупик, циклически перебирая аргументы от морального обоснования к авторитетному установлению. Необходим новый подход, преодолевающий эту методологическую дихотомию⁵². Правовая реальность конструируется через знаковую коммуникацию, где правовые статусы и нормы выступают не как природные данности, а как артефакты,

⁵⁰ Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов / М. Л. Давыдова [и др.]. М.: Русайнс, 2024. 242 с.

⁵¹ Теория и метатеория правовых противоречий: от юридического конфликта к правопорядку. К 100-летию со дня рождения профессора Владимира Сергеевича Жеребина : коллективная монография / Д. А. Авдеев, А. В. Аверин, В. В. Богатырев [и др.]. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2025. 324 с.

⁵² Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Кондуров В. Е., Краевский А. А. Три царства права: действительность, действенность, легитимность / под ред. Е. В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2023. 646 с.

наделенные смыслом в процессе intersубъективного взаимодействия⁵³. Юридической науке необходим новый познавательный инструментарий, преодолевающий тупики философии позитивного права⁵⁴.

Выводы

Позитивистская попытка описывать «оценочные суждения без их оценки», уподобляя право «группам» фактам вроде «климата», сталкивается с фундаментальной трудностью: «значение нормы не существует до ее интерпретации и применения». Норма — это не данность, а «схема истолкования».

Юридический позитивизм оказывается философски несостоятельным, потому что: он не является последовательно эмпирическим (его главный «факт» — нормативная сила — не верифицируем); он не является логически строгим (его основная операция основана на логической ошибке *petitio principii*); он является замаскированной идеологией, которая выдает исторически сложившееся соотношение сил и усвоенные коллективные представления (нормативность сознания) за объективный, данный в опыте порядок. Это приводит нас к фундаментальному выводу. Утверждение «норма права есть суждение о гипотетическом факте» не тождественно утверждению «норма права есть фактически существующее предписание». Иными словами, «суждение о норме не тождественно самой норме». С логической точки зрения эти утверждения взаимно исключают друг друга.

Юридический позитивизм, ограничивающийся «свободным от ценностей описанием», оказывается методологически недостаточным. Он не может адекватно объяснить источник обязательности права, который лежит в сфере метатеоретических оснований — в акте коммуникативного признания и нормативности сознания, превращающих статичные структуры в живую правовую реальность. Право — не фикция, а реальный социальный институт, возникающий в точке напряженного взаимодействия его онтологических элементов. Логически выводимое «это есть — это должно быть» невозможно без предшествующего ему внелогического акта признания и/или вменения «это должно быть — это есть». Однако в реальности правовой системы они сосуществуют, образуя логическое противоречие, которое не является ошибкой. Противоречие между эмпирическим и теоретическим, между «есть текст» и «должна быть норма», не является патологией. Это — *способ существования права*. Его динамика и жизнеспособность определяются не логическим устранением этого противоречия, а постоянным его разрешением в актах коммуникации, интерпретации, признания и принуждения.

Проблема в том, что эмпирия в социально-гуманитарном познании является результатом интерпретации. Мы не можем «наблюдать» право, как наблюдаем камень. Мы не можем «измерить» справедливость, как измеряем температуру. Мы не можем «зафиксировать» норму, как фиксируем выпадение осадков. Интерпретация — это не «понимание» чего-то, что уже есть. Это — акт творения. Когда судья интерпретирует закон, он не находит смысл. Он создает его. Он накладывает схему долженствования на хаос фактов. И этот акт творения легитимен, потому что он укоренен в нормативности сознания (коллективной вере) и институциональных полномочиях (источниках). Это и есть *Punctum Archimedis*. Точка, в которой сущее становится должным. Не логический вывод. Волевой акт. Акт власти. Акт веры. Акт интерпретации.

Список источников

1. Алова Д. Г. Право и мораль: диалектика отношений в позитивистской концепции / Д. Г. Алова, В. А. Лушникова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 58–68. EDN: JDMKZB

⁵³ Разуваев Н. В. Знаковая коммуникация как онтологическое основание конструирования правовой реальности // В сборнике: Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2020. С. 148–154; Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98; Разуваев Н. В. Юридическое мышление в семиотическом пространстве правовой реальности // В книге: Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 108–153.

⁵⁴ Разуваев Н. В. Идея правовой коммуникации как новый органон юридической науки // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 4–8. EDN: QMGEQW

2. Антонов М. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство (XXIII Всемирный конгресс международной ассоциации философии права и социальной философии) / М. В. Антонов, А. В. Поляков // Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 124–147. EDN: LNQSMH
3. Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196. EDN: SAMBUN
4. Антонов М. В. Несколько вводных слов о «Действенности права Е. В. Булыгина» // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 6–15. EDN: YHGXIV
5. Антонов М. В. Юридический позитивизм и истина в праве / М. В. Антонов, В. В. Оглезнев // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–61. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev EDN: CTETTD
6. Антонов М. В. Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC
7. Бабаев В. К. Логико-юридическое развитие правовых норм // Правоведение. 1978. № 2. С. 7–12. EDN: UCCLLX
8. Баранов В. М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 397 с. EDN: XYATFD
9. Булыгин Е. В. Логика и право // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 12–17. EDN: RVVVMH
10. Булыгин Е. В. Мое видение рациональности в праве // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 17–23. EDN: VZVOPX
11. Булыгин Е. В. Что такое правовой позитивизм? // Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 236–245. EDN: NCSQRU
12. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, Инфра-М, 2013. 512 с.
13. Гаджиев Г. А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 130–154. EDN: PFCUYD
14. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2009. 344 с. EDN: QRDKKX
15. Зыков Д. В. Центральная апория философии позитивного права: Punctum Archimedis // Правовая парадигма. 2025. № 4. С. 20–26.
16. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: Аллея-Пресс, 2015. 540 с.
17. Краевский А. А. Проблема самореференции в праве: к истории дискуссии / А. А. Краевский, Е. В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 35–43. EDN: QAKGWF
18. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75. EDN: LRFDHL
19. Лебедев С. А. Уровневая структура научного знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2021. № 2. С. 7–20. DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.007. EDN: TJZMJJ
20. Лебедев С. А. Конвенционализм и консенсуализм как эпистемологическая легитимация научного плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 119–129. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129. EDN: QFDBSW
21. Лебедев С. А. Проблема демаркации научного знания и ее эволюция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 79–89. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-79-89 EDN: LFXKX
22. Лебедев С. А. Чувственное познание в науке / С. А. Лебедев, А. А. Минаков // Гуманитарный вестник. 2023. № 4. С. 1–10. DOI: 10.18698/2306-8477-2023-4-857. EDN: QJENGC
23. Лебедев С. А. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки / С. А. Лебедев, В. Д. Ребрищев // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 57–66. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66 EDN: WGEVUJ
24. Максимов Л. В. Гильотина Юма: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 137. EDN: PUZTDH

25. *Осветимская И. И.* Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3. С. 55–70. EDN: HGKSSX
26. *Пермяков Ю. Е.* Эмпирические основания юридической науки // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 43–54. EDN: OIOMSX
27. *Пермяков Ю. Е.* Философские основания юриспруденции. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. 248 с. EDN: QWMHUX
28. *Поляков А. В.* Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155. EDN: ZDLVXB
29. *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD
30. *Поппер К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. 638 с. EDN: QWTZST
31. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов (коллективная монография) / под ред. Давыдовой М. Л. [и др.]. М.: Русайнс, 2024. 242 с.
32. *Разуваев Н. В.* Знаковая коммуникация как онтологическое основание конструирования правовой реальности // В сборнике: Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2020. С. 148–154. EDN: ZWIQGR
33. *Разуваев Н. В.* Право: социально-конструктивистский подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98. EDN: VZVORL
34. *Разуваев Н. В.* Юридическое мышление в семиотическом пространстве правовой реальности // В книге: Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 108–153. EDN: FEMVGJ
35. *Разуваев Н. В.* Идея правовой коммуникации как новый органон юридической науки // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 4–8. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-4-8 EDN: QMGEQW
36. *Розов М. А.* Инварианты эмпирического и теоретического знания // Философия науки. 2010. Т. 15. № 1. С. 110–129. EDN: TPCOQN
37. *Росс А.* Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права. 2009. Т. 2. С. 458–473.
38. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.
39. *Тарасов Н. Н.* Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3 (27). С. 25–36. EDN: FIBENH
40. Теория и метатеория правовых противоречий: от юридического конфликта к правопорядку. К 100-летию со дня рождения профессора Владимира Сергеевича Жеребина : коллективная монография / Д. А. Авдеев, А. В. Аверин, В. В. Богатырев [и др.]. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2025. 324 с. EDN: BGZCJH
41. *Тимошина Е. В.* Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 48–76.
42. *Тимошина Е. В.* Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, В. Е. Кондуров, А. А. Краевский / под ред. Е. В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2023. 646 с. EDN: SAMBSZ
43. *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.
44. *Тонков Е. Н.* Прогнозирование изменений правовой ситуации как основная функция юридического мышления // В книге: Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 92–145. EDN: ZNVUOA

45. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. 224 с. EDN: PLBYHH
46. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 253. EDN: VYOZJL
47. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 62–93. EDN: WJUJXV
48. Честнов И. Л. Постклассическая теория права / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с. EDN: QSSDIV
49. Шаханов В. В. Общая характеристика метатеории права // Метатеория и методология права и правопорядка : коллективная монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. 249 с.
50. Kelsen, H. (1963) Diskussionsbeitrag. Das Naturrecht in der politischen Theorie. Wien. P. 119.
51. Kelsen, H. (1979) Allgemeine Theorie der Normen. Wien. P. 256.
52. Searle, J. R. (1995) The Construction of Social Reality. Free Press. 256 p.

Об авторе:

Зыков Дмитрий Валерьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: zyk9@yandex.ru

References

1. Alova, D. G., Lushnikova, V. A. (2025) Law and Morality: The Dialectics of Relations in the Positivist Concept. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 58–68. (In Russ.)
2. Antonov, M. V., Poliakov, A. V. (2008) Law and Legal Cultures in the XXI Century: Distinction and Unity (XXII World Congress of the International Association of the Philosophy of Law and Social Philosophy). *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. No. 2 (277). Pp. 124–147. (In Russ.)
3. Antonov, M. V. (2013) On the Basic Elements of G. Kelsen's Pure Theory of Law and State. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. No. 4. Pp. 169–196. (In Russ.)
4. Antonov, M. V. (2016) A Few Introductory Words About 'The efficacy of law' by E. V. Bulygin. *Jurisprudence*. No. 4 (327). Pp. 6–15. (In Russ.)
5. Antonov, M. V. and Ogneznev, V. V. (2020) Legal positivism and truth in law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. No. 15 (4). Pp. 42–61. (In Russ.)
6. Antonov, M. V. (2025) Communication and validity of law in A. V. Polyakov's conception. *Russian justice*. No. 5. Pp. 23–33. DOI: https://doi.org/10.52433/01316761_2025_05_23 (In Russ.)
7. Babaev, V. K. (1976) Logical-Legal Development of Legal Norms. *Jurisprudence*. No. 2. Pp. 7–12. (In Russ.)
8. Baranov, V. M. (1989) The Truth of the Norms of Soviet Law: Problems of Theory and Practice. *Saratov State University (Publishing House)*. 397 p. (In Russ.)
9. Bulygin, E. V. (2013) Logic and Law. *Jurisprudence*. No. 4 (309). Pp. 12–17. (In Russ.)
10. Bulygin, E. V. (2015) My Vision of Rationality in Law. *Jurisprudence*. No. 5 (322). Pp. 17–23. (In Russ.)
11. Bulygin, E. V. (2011) What is Legal Positivism? *Jurisprudence*. No. 4 (297). Pp. 236–245. (In Russ.)
12. Gadzhiev, G. A. (2013) Ontology of Law (a Critical Study of the Legal Concept of Reality). *Norma, INFRA-M Publ.* 320 p. (In Russ.)
13. Gadzhiev, G. A. (2012) Official Interpretation of the Constitution: a Combination of Ontological and Epistemological Approaches. *Jurisprudence*. No. 1 (300). Pp. 130–154. (In Russ.)
14. Davydova, M. L. (2009) Legal Technique: Problems of Theory and Methodology. *Volgograd State University (Publishing House)*. 318 p. (In Russ.)
15. Kelsen, H. (2015) Pure Theory of Law. *Alef-Press*. 542 p.

16. Kraevsky, A. A., Timoshina, E. V. (2012) The problem of self-reference in law: on the history of the discussion. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 3 (302). Pp. 35–43. (In Russ.)
17. Lebedev, S. A. (2010) Levels of Scientific Knowledge. *Questions of Philosophy*. No. 1. Pp. 62–75. (In Russ.)
18. Lebedev, S. A. (2021) The Level Structure of Scientific Knowledge. *Bulletin of Tver State University. Series Philosophy*. No. 2. Pp. 7–20. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.007> (In Russ.)
19. Lebedev, S. A. (2021) Conventionalism and Consensualism as an Epistemological Legitimation of Scientific Pluralism. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. No. 1. Pp. 119–129. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-1-119-129> (In Russ.)
20. Lebedev, S. A. (2022) The Problem of Demarcation of Scientific Knowledge and Its Evolution. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. No. 3. Pp. 79–89. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-3-79-89> (In Russ.)
21. Lebedev, S. A. and Minakov, A. A. (2023) Sensory Cognition in Science. *Humanitarian Bulletin*. No. 4. Pp. 1–10. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2023-4-857> (In Russ.)
22. Lebedev, S. A., Rebrishchev V. D. (2024) Philosophical Foundations of Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science. *Modern Philosophical Studies*. No. 1. Pp. 57–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-1-57-66> (In Russ.)
23. Maksimov, L. V. (2012) Hume’s Guillotine: Pro et Contra. *Ethical Thought*. No. 12. Pp. 124–142. (In Russ.)
24. Osvetinskaya, I. I. (2025) Polyakov’s Communicative Theory of Law as a Postclassical Anthropological Approach to Law: A Critical Analysis of Opponents’ Comments. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. No. 3. Pp. 55–70. EDN: HGKSSX (In Russ.)
25. Permyakov, Yu. E. (2006) *Philosophical Foundations of Jurisprudence*. Samara: *Samara Humanitarian Academy (Publishing House)*. 248 p. (In Russ.)
26. Permiakov, Yu. E. (2007) Empirical Foundations of Legal Science. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Law*. No. 1. Pp. 43–54. (In Russ.)
27. Poliakov, A. V. (2016) L. Petrazhysky’s Psychological Theory of Law in the Light of the Communicative Approach. *Jurisprudence*. No. 5 (328). Pp. 144–155. (In Russ.)
28. Poliakov, A. V. (2021) The Principle of Mutual Legal Recognition: the Russian Philosophical-Legal Tradition and the Communicative Approach to Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 16, No. 6. Pp. 39–101. <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov> (In Russ.)
29. Popper, K. R. (2008) Assumptions and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. *AST*. 638 p.
30. Davydova, M. L., et al. (2024) Legal Means of Smart Regulation in the Context of Major Challenges. *RUSAINS*. 242 p. (In Russ.)
31. Razuvaev, N. V. (2020) Sign Communication as an Ontological Basis for Constructing Legal Reality. In the collection: *Legal Communication of the State and Society: Domestic and Foreign Experience*. Collection of Papers of the International Scientific Conference. Voronezh. Pp. 148–154. (In Russ.)
32. Razuvaev, N. V. (2015) Law: A Social Constructivist Approach. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. No. 5 (322). Pp. 48–98. (In Russ.)
33. Razuvaev, N. V. (2020) Legal Thinking in the Semiotic Space of Legal Reality // In the book: *Legal Thinking: Classical and Postclassical Paradigms. Aleteya*, Pp. 108–153. (In Russ.)
34. Razuvaev, N. V. (2024) The Idea of Legal Communication as a New Organon of Legal Science. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. No. 3 (21). Pp. 4–8. <https://doi.org/10.22394/3034-2813-2024-3-4-8> (In Russ.)
35. Ross, Alf. (2009). Validity and the conflict between legal positivism and natural law. *Russian Yearbook of Law*. No. 2. Pp. 456–473.
36. Rozov, M. A. (2010) Invariants of Empirical and Theoretical Knowledge. *Philosophy of Science*. Vol. 15. No. 1. Pp. 110–129. (In Russ.)
37. Syrykh, V. M. (2001) *Logical Foundations of the General Theory of Law: In 2 vols. Vol. 1: Elemental Composition. Legal House Yustitsinform*. 528 p. (In Russ.)
38. Tarasov, N. N. (2000) Legal constructions in law and scientific research (methodological problems). *Russian Law Journal*. No. 3 (27). Pp. 25–36. (In Russ.)

39. Avdeev, D. A., Averin, A. V., Bogatyrev, V. V. [et al.]. (2025) Theory and metatheory of legal contradictions: from legal conflict to legal order. *Vladimir branch of RANEPА (Publishing House)*. 324 p. (In Russ.)
40. Timoshina, E. V. (2013) Law as an 'idea', as a 'fiction', and as a 'fact': on nominalism and realism in legal theory. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. No. 4. Pp. 48–76. (In Russ.)
41. Timoshina, E. V., Vasil'eva, N. S., Kondurov, V. E., and Kraevskii, A. A. (2023) The three kingdoms of law: reality, efficacy, legitimacy. edited by E. V. Timoshina. *S.-Peterb. State University (Publishing House)*. 646 p. (In Russ.)
42. Tonkov, E. N. (2024) Russian Legal Realism. *Aletheia*. 454 p. (In Russ.)
43. Tonkov, E. N. (2020) Forecasting Changes in the Legal Situation as the Main Function of Legal Thinking. In the book: Legal Thinking: Classical and Postclassical Paradigms. *Aletheia*. Pp. 92–145. (In Russ.)
44. Trubetskoi, E. N. (1998) Encyclopedia of Law. *Lan'*. 224 p. (In Russ.)
45. Hart, G. L. A. (2007) The Concept of Law / translated from English. *St. Petersburg University Press (Publishing House)*. 302 p.
46. Chestnov, I. L. (2016) The Constructivist Paradigm in Jurisprudence. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. No. 2 (325). Pp. 62–93. (In Russ.)
47. Chestnov, I. L. (2012) Postclassical Theory of Law. Jurisprudence Series. *Alef-Press*. 649 p. (In Russ.)
48. Shakhanov, V. V. (2023) General characteristics of the meta-theory of law. in Meta-theory and methodology of law and legal order: collective monograph, edited by A. V. Averin and M. L. Davydova. *Vladimir. State University Publ.* 249 p. (In Russ.)
49. Zykov, D. V. (2025). The Central Aporia of the Philosophy of Positive Law: Punctum Archimedis. *Legal Paradigm*. No. 4. Pp. 20–26.
50. Kelsen, H. (1963) Diskussionsbeitrag. In: Das Naturrecht in der Politischen Theorie. *Springer*. 168 p.
51. Kelsen, H. (1979) Allgemeine Theorie Der Normen. *Manz*. 362 p.
52. Searle, J. R. (1995) The Construction of Social Reality. Free Press. 256 p.

About the author:

Dmitrii V. Zykov, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: zyk9@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.